

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий Большаков

ЧЕТЫРЕ ТАНКИСТА

От Днепра до Атлантики

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Художественный редактор *П. Волков*

В оформлении переплета
использована иллюстрация художника *В. Петелина*

- Большаков, Валерий Петрович.**
Б79 Четыре танкиста. От Днепра до Атлантики / Валерий Большаков. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 352 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-699-98217-2

Продолжение бестселлера «Танкист №1. Бей фашистов!».

Из «Т-72» — в «Т-34», из 2015 года — в 1941-й.

Капитан Репнин сгорел в танке под Дебальцево, а ожил в теле Дмитрия Лавриненко, советского танкового аса, танкиста №1.

Переселение душ? Перемещение сознания? Не важно! Главное — не посрамить славы великого предка, не поступиться честью. Бить фашистов!

Когда счет подбитых немецких панцеров перевалит за двадцать штук, когда плечи украсят золотые двухпросветные погоны, когда распишешься на Рейхстаге — можно будет немного передохнуть. Но вскоре от командования поступит новый приказ: идти до Атлантики!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98217-2

© Большаков В.П., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ГЛАВА 1

КОМБРИГ¹

*Харьковская область, село Одноробовка.
7 августа 1943 года*

Танкисты 1-й гвардейской бригады вышли к железнодорожным станциям Одноробовка и Александровка глубокой ночью.

Репнин не стал спешить с атакой, решил дожидаться утра.

Вылезая на остывавшую броню «Т-43», он втянул прохладный воздух. Как хорошо пахнет ночью гречиха! Кажется, что от ее белых цветов в темноте виднее.

Геннадий присел, откидываясь на башню — металл приятно грел спину. Осторожно поерзав, оберегая хоть и зажившие, но больно уж свежие раны, он сдвинул танкошлем на затылок, устраивая голову на покато́й броне. Удобно. Только твердо.

Пройдет еще чуть больше месяца, и исполнится ровно два года, как он здесь, в прошлом. Сколько уж передумано за это время, каких только версий не измышлено!

¹ Использованы материалы генерал-майора И.А. Вовченко.

Взять хотя бы это самое местоимение — он. Кто — он?

Геннадий Эдуардович Репнин? Так этот гражданин сгорел в танке под Дебальцево. В 2015-м, семьдесят лет тому вперед.

И непонятно, что же от него осталось — душа? Сознание? Что?

Какая такая субстанция перенеслась через время, чтобы вселиться в другое тело, в другую голову, в Дмитрия Федоровича Лавриненко?

Репнин был атеистом и не верил в бессмертную душу, ему было «против шерсти» сознавать произошедшее с ним чудом, но и эта версия имела право на существование.

Первые месяцы его преследовало ощущение дискомфорта, было неприятно ощущать чужие зубы, чужое небо. Дышать чужим носом. Извините, писать, придерживая не свои муде.

Наверное, понять его сможет человек, скажем, старый ученый, чей мозг пересадят в тело молодого кретина, пустившего себе пулю в висок из-за неразделенной любви.

Правда, старик, вернувший себе молодость таким путем, вряд ли будет страдать излишней брезгливостью, ведь к нему вернутся силы и утраченные возможности.

Репнин никогда особо не увлекался выпивкой, но, попав в 41-й, частенько использовал сто грамм, чтобы прополоскать «чужой» рот.

Это долго преследовало его, а потом незаметно сошло на нет. Он просто привык к своему новому телу. Кстати, более молодому, чем старое. Ну, не то чтобы совсем уж старое, но капитану Репнину было за сорок, а Лавриненко — около тридцати.

С другой стороны, эта его озабоченность из-за «вселения» в иную плоть здорово помогала удерживать в норме психику. Война шла жестокая и страшная.

Геша видел то, что когда-то мелькало в кино «про войну», но куда чаще его глазам представало другое, чего по телику не углядишь — грязная изнанка победы, ее гной, ее кровь и сукровица.

Порой Репнин задумывался, куда, в какие пространства, времена и миры перенеслась душа самого Лавриненко. Не дай бог, в его выморочное тело!

Геша прекрасно помнил ту боль, тот страх, что рвали его в башне «Т-72», когда горел танк. Хотелось надеяться, что экипаж выжил-таки.

Выздоровливать обгоревшим, с кожей, превратившейся в черную корку, — это мучение, долгое, просто нескончаемое, но боль, пускай через месяцы, все равно проходит, и ты радуешься простейшим вещам — теплу, ветру, воде, дыханию — еще сильнее, чем прежде.

Интересно, что подумает Лавриненко, перенесясь в будущее?

Коммунизма там точно нет. Социализма, впрочем, тоже.

Зато есть капитализм — кондовый, полууголовный. Мещанский строй. Вот кому надо будет психику беречь!

Эпоха Сталина — это не мрачное кровавое Средневековье, это весна истории. Грязная, голая, но готовящая цветение.

У людей есть вера и надежда, мечты и ожидания. Расскажи кому из них, что все их труды, все утраты пойдут прахом, что и партию развалят,

и СССР распадется — не поверят же, посмотрят неодобрительно, разговаривать перестанут с «пораженцем»...

Репнин усмехнулся. Кто знает, может, его для того и закинуло сюда, чтобы изменить мировые линии, уберечь государство рабочих и крестьян от крушения?

Ладно, вздохнул Геша, хватит мечтать...

Спрыгнув в густую, росистую гречиху, он прислушался.

Тишина...

Конечно, не сказать, что природа и люди играли в молчанку. Вон, где-то палят немецкие пулеметики, с ночного неба донесся гул самолета. Но что значат эти приглушенные, не рвущие слух звуки после неумолчного грохота Курской битвы!

Рев моторов, залпы пушек, лязг и скрежет раздираемого железа, людские крики, мат и вой — все это мешалось и гремело над степью, подавляя и угнетая.

После разгрома под Прохоровкой немцы отступили, но до победы было еще далеко.

Пока Репнин валялся в госпитале, 1 гвардейская танковая отдыхала и набиралась сил, а второго августа, пополнившись новой бронетехникой, в авангарде 3-го мехкорпуса перешла в наступление на позиции вермахта.

Начиналась Белгородско-Харьковская стратегическая наступательная операция «Румянцев».

Рано утром третьего августа танкисты бригады вошли в прорыв на фронте в восемнадцать километров и выдвинулись к Золочеву, райцентру, одному из опорных пунктов немецкой обороны на северо-западе от Харькова.

Сразу же за Золочевым начиналась сеть оборонительных укреплений врага — линий траншей полного профиля, дотов и дзотов, артиллерийских и пулеметных позиций, колючей проволоки в несколько рядов и заграждений из спирали Бруно, вкопанных танков и минных полей.

У гитлеровцев был пристрелян каждый куст или дерево, каждый холмик и каждый овраг. Секторы обстрела перекрывали друг друга, создавая практически сплошную зону поражения.

Но танки Катюкова шли вперед.

Гвардейцы штурмовали и атаковали, громили колонны немецких танков и грузовиков, но и фрицы сопротивлялись бешено, подключая артиллерию и авиацию.

А шестого августа Репнина выписали, и он на попутках добрался до 1-й гвардейской. Геннадий усмехнулся, глянув на часы — минули ровно сутки, как он вступил в командование бригадой.

Ну-ну, посмотрим, какой из тебя комбриг..

Репнин не стал заходить далеко в шелестящие злаки — промокнешь, роса обильная.

Он прислушался — глухо доносился разговор мехвода с радистом. Потом очень ясно и четко послышался металлический лязг — кто-то выбрался из танка.

— Ты, Санька?

— Я! — откликнулся Федотов. — А то там дышать нечем.

— Сейчас надышишься... Сбегай, позови наших комбатов. И комполка скажи, чтобы шел.

— Есть!

Башнер прыгнул и затоптал в ночь. Репнин поглядел ему вслед. Из рядовых Федотов уже вы-

шел в сержанты, чем очень гордился, но куда больше позитива он испытывал от перевода в башнеры. У Сашки были способности стрелка, поэтому в наводчиках ему самое место. Хотя и стрелял он похуже, чем сам Репнин, тем не менее Федотову этого было достаточно, чтобы свысока посматривать на Борзых, пересевшего на его место заряжающего.

Белобрысый, курносый, скуластый, башнер был типичным русаком, солью земли. В любые времена такие, как он, вставали по первому зову, едва какая орда нападала на родную землю.

Ленивый, не дурак выпить, хвостун, Федотов был верным и стойким. Скажешь такому: «Стоять насмерть!», и выстоит. Погибнет, но не сдастся.

Репнин прислушался. В танке продолжали бубнить — это старшина Бедный наставлял старшего сержанта Борзых. Или у них опять спор. О-о... Это надолго. Сцепились старый и малый...

- Товарищ подполковник!
- Здесь я, у танка. Ты, Илюха?
- Я!

Из темноты показался Илья Полянский, и Репнин крепко пожал ему руку.

Вскоре подтянулись остальные «товарищи командиры». Последним явился майор Кочетков, начальствующий над моторизованным батальоном.

В последние дни он взорлил — его мотострелков пересадили на бронетранспортеры Б-4, появившиеся от скрещивания грузовика «ЗИС-15» и легкого танка «Т-70», и на ТНПП — танки непосредственной поддержки пехоты, переделанные из «Т-80». Почти семьдесят бронемашин! Это было дорого, но эффективно — пехота обрела мобильность, а заодно какую-никакую защиту.

Да и что значит — дорого? Жизни дороже.

Майор выступил первым.

— Здравия желаю, товарищ подполковник, — бодро обратился он к Репнину. — А, может, пока темно, и выступим? А? По приборам ночного видения? Мои поддержат!

— А на кого ты собрался выступать? — проворчал майор Козелков, командир 4-го танкового полка. — Ни «Пантер», ни «Тигров» там нет, просто каждый дом превратили в укрепление, в дот или дзот.

— Ночью надо спать, — усмехнулся Репнин. — Выступим с утра, часам, думаю, к десяти. Разведка доносит, что приближается большая колонна противника, с сильным боевым охранением. Вот ее-то нам и надо будет встретить. Значит, так. Разобьемся на три группы. Сначала что касается 4-го танкового полка. Десять танков 1-го батальона Заскалько занимают Александровку. Десятка из 2-го батальона Полянского обходит Одноробовку. Твоя задача, комбат, будет такая — двигать на юг, перерезать дорогу и выйти вражеской колонне в тыл.

— Есть, товарищ подполковник! Ударим с тыла, — кивнул Илья.

— Теперь ты, Леня. Карта есть?

Капитан Лехман достал из планшета и развернул карту на броне танка. Филатов залез наверх и стал подсвечивать фонариком.

— Смотри. Вот здесь яр, глубокий, он огибает луг. Двигаешься по нему и выходишь к дороге с запада.

Лехман кивнул.

— Есть атаковать с запада! Зайдем от этого леса.

— Давай. А основная группа будет атаковать противника в лоб отсюда. Здесь позиция выгоднее...

* * *

По старой солдатской привычке Репнин залег, как только все приказы были отданы, а «фигуры расставлены».

Залег прямо на броне, сложив брезент над дизелем, от которого шло тепло. Ватник под голову — вот тебе и подушка.

Стащил сапоги и поставил рядом, развесив на голенищах портянки, ослабил ремень и лег, закинув руки за голову.

Сердце билось ровно, а вот и мысли потекли спокойно, без спешки. Геннадий давно уже относился к происходящему с прохладцей врача или исследователя. Шла война, но особо сильных эмоций эта мировая бойня не вызывала.

Репнин не испытывал ненависти к врагу. Правильно сказали однажды братья Стругацкие (скажут!): «Ненависть — это перегной страха». Фашисты — опасный, сильный, умелый противник. Слава тем, кто сумеет их одолеть. Но ненавидеть зачем?

Ярость — это да, она помогает в бою, концентрирует злость, горячит кровь, помогает уничтожать врага. Но еще лучше — холодное, ледяное спокойствие, когда ты собран и расчетлив, не отвлекаешься на всякие глупости, вроде скрежета зубового, а превращаешься в эту машину для убийства, срастаешься с танком в механического кентавра...

Геша вздохнул. Поглядел на мерцавшие звезды, послушал далекую канонаду и закрыл глаза. Впереди у 1-й танковой армии большой, долгий путь. Первым делом надо Украину освободить.

Репнин поморщился. Не хотелось ему этого, не лежала душа.

Нет, он понимал, что «евромайдан», «бандерлоги», «добробатовцы», «правосеки», все это фашиствующее дерьмо зальет, завоняет Украину лет через шестьдесят, да и то — не факт. Но все равно, неприятно было. И кто сказал, что нынешняя СССР не приемлет будущих лозунгов, вроде «Москаляку на гиляку!»?

Гешу как-то (в будущем, которое ныне стало для него прошлым) неприятно поразила одна старая фотография. На ней был изображен немец в форме, раздававший флажки со свастиками. Раздававший детям, какой-то киевлянке, а та вручила флажок малолетнему сыну...

Это было сущее непотребство, но ведь оно было!

Закряхтев, Репнин перевернулся на бок. Хватит про политику!

Поерзав, он вызвал воспоминание о Наташе. О том, как она улыбается. Как она раздевается... Как дразняще изгибает бедро и ладонями поднимает груди...

Не досмотрев пленительные картинки, Геша уснул.

Из воспоминаний капитана Н. Орлова:

«...С Валея я подружился и частенько бывал в гостях. А поскольку на Дону уже шли тяжелые бои, а это уже совсем близко от Сталинграда, Ва-

лины родители мне задали резонный вопрос: «Коленька, как ты думаешь, нам эвакуироваться или нет? Вот, предлагают...»

А я дурак... надо же себя героем перед девушкой показать!

— Да вы что! Да мы разобьем врага!

И вроде убедил их не эвакуироваться. А немцы нанесли удар по Сталинграду на завтрашний день, 23, в воскресенье!

А 24 или 25 намечилось небольшое затишье. Мы как раз захватили Рынок. Я расставлял танки в обороне, и мне вдруг ударило в голову...

Вот до сих пор не могу понять, что за чувство такое? Абсолютно спонтанно, внезапно, словно кто меня толкнул, какой-то щелчок — сесть на танк и рвануть в город. Крикнул механику-водителю Семенову:

— Заводи!

— Куда?

— Вперед! Пошел! В сторону Тракторного!

Он сперва подумал, что мы в штаб батальона, который стоял на заводе. Но когда мы подъехали к Тракторному, я погнал его дальше, по Ленинскому проспекту, прямо в центр города. Я толкал его в спину: «Вперед, вперед!» Он гонит, не поймет куда. А у меня в глазах стоит их маленький деревянный домик с палисадником. И вишенки, яблоньки там...

Кричу механику: «Скорость, скорость, скорость!» Все кругом продолжает гореть. Даже телеграфные столбы горят, трамваи горят. Дорога разбита, завалена трупами, обломками... и он виртуозно жмет по ней. Это был классный водитель. Приближаемся к домику, и я уже заранее вижу,

что домика-то нет! Когда я уже вплотную совсем подъехал... там яма огромная, все сгорело вокруг, и старушка из соседнего дома рядом стоит...

Я эту бабушку знал, и она меня знала. Говорит мне:

— Коленька, родненький, всех до одного! Как раз приехал хозяин обедать. Бомба прямо в дом попала... А я нечаянно полезла в погреб, достать крынку, да там и осталась...»